

Среда

1.

Сначала из черноты возник звук.

И-У! И-У! И-У! И-У!

Неясный, раздражающий, скрипучий звук деревянного настила. Доски ритмично отзывались этим саднящим поскрипыванием на чьи-то лёгкие шаги.

Потом появились ноги, детские ноги в белых носочках, обутые в коричневые пыльные сандалии с узорчатыми дырочками на мыске.

Сразу добавился ещё один непонятный звук:

ТУНК! ТУНК! ТУНК! ТУНК!

Вскоре прояснился и он — в выкрашенную масляной терракотовой краской стенку мерно ударялся ярко-оранжевый, размером с абрикос, резиновый мячик.

Андрей открыл глаза, поморщился. Звуки исчезли мгновенно, вместе с изображением, оставив какой-то неясный, раздражающий сознание осадок. Кроме этого, мешала изжога, не проходившая уже третий день. Андрей решительно мотнул головой, как бы отбрасывая от себя всё неприятное, потянулся, взглянул на часы — и тут же, сообразив, что проспал, рывком вскочил с кровати. Сунул ноги в мягкие замшевые тапки и поспешил в ванную.

Из зеркала на него глянуло слегка заспанное, небритое, но при этом (что он с удовлетворением отметил!), безусловно, не лишённое шарма лицо сорокатрёхлетнего мужчины (ну, положим, выглядит он максимум на тридцать пять, больше не дашь!). Длинные светлые волосы в сочетании с пронзительно голубыми глазами и тонким носом создавали ощущение возвышенной одухотворённости, а хорошо очерченный подбородок с ямочкой делал его лицо особенно выразительным. Такое лицо могло принадлежать либо художнику, либо музыканту.

На худой конец фотографу!

Андрей несколько секунд внимательно всматривался в своё отражение, потом внезапно рванулся обратно в спальню, где на столике лежал его любимый NICON, с которым он никогда не расставался.

Схватив аппарат, он вернулся в ванную и, задержавшись только на мгновение, быстро сде-

лал несколько снимков. Потом укрупнил, чуть сдвинулся влево и щёлкнул ещё пару-тройку раз.

Чёрт его знает, этот утренний автопортрет может и пригодится...

Спутанные волосы, лёгкая небритость, утренний естественный свет, контражур, что-то в этом есть... Может, это как раз то, чего ему не хватает для выставки. Хотя он уже давно отобрал два десятка работ для этого венецианского биеннале, но всё тянул с отправкой, саднило ощущение, что изюминки в новой серии «Блики» так и нет.

Ладно, сейчас некогда, потом разберёмся.

Он отложил аппарат и полез под душ. Ещё через десять минут он уже стоял в джинсах, застёгивал свежую, кремового цвета, в продольную полоску сорочку. Рубашки Андрей всегда покупал на размер-два больше, чем нужно, и никогда их не заправлял. Ему нравилось, что они свободны в талии. С одной стороны, подчёркивается фигура, с другой — возникает определённый художественный облик. С фотоаппаратом в руках он вышел в залитый светом коридор, заспешил к лестнице.

Всё вокруг радовало глаз, улучшало настроение. По обеим сторонам на стенах висели работы его любимых мастеров — Энди Уорхола, Хельмута Ньютона, Беттины Реймс и других. На

почётном месте, сразу за дверью, ведущей в студию, перед лестницей, красовалась «Нагая с листьями» Хидеки Фуджии. Андрей забежал в комнату, взял кейс, сунул туда аппарат, затем подошёл к большому, в полстены, окну, посмотрел вниз, во двор. Чарли уже проснулся, носился вокруг бассейна, с разбега бросался на траву, катался по ней, устраивал себе воздушные ванны. Погода в эти дни стояла отменная, для московского мая просто редкостная, жара почти июльская, даже купальный сезон открылся на две недели раньше времени. *Global warming*, глобальное потепление, — ничего не поделаешь.

Андрей понаблюдал за радостным Чарли, усмехнулся, с удовольствием окинул быстрым взглядом свои владения. Уже пятый год он живёт здесь, и всё не может привыкнуть, как ему посчастливилось с этим домом. Надо же, чтобы в центре Москвы жить как на даче.

Совершенно уникальное место!

Когда первый раз о нём услышал, даже не поверил. Специально поехал, чтобы убедиться, что не соврали. И убедился. Прямо у метро «Сокол» действительно расположился так называемый Посёлок художников, целый район двух- и трёхэтажных деревянных домов, то ли дачи, то ли особняки, называй как хочешь. Тишь, благодать, приятные лица вокруг. Райское место, короче говоря, лучше не бывает. Он как увидел, так сразу и решил, что жить хочет только здесь. Но, правда, пришлось почти три года ждать, никто

из посёлка выезжать не собирался, дураков нету. А участки все давным-давно разобраны, их небось ещё при Сталине распределили. Но потом неожиданно свезло — вдова художника Ермолаева решила продать свой дом на улице Врубеля. К детям решила уехать, в Германию, на ПМЖ. Тут Андрей своего не упустил, всё мгновенно сделал, благо деньги на эту покупку давно уже были отложены, после продажи материнской квартиры ещё остались. Правда, отложенных на всё не хватило, доложил изрядно. К тому же ещё и свою двушку пришлось продать, куда деваться.

Ремонт-то был ого-го какой!

Даже не ремонт, а целое строительство. Дом ведь он перестроил основательно. Плюс гараж, плюс бассейн. Но зато всё теперь сделано по первому классу, всё очень стильно, на его вкус. А вкус у него отменный, что уж там скромничать. Одни только придуманные им колонны чего стоят! Тонкие, диаметром всего в двенадцать сантиметров, они не просто поддерживали крышу портала, но и придавали определённую ажурность и оригинальность всему строению. Причём на первый взгляд складывалось впечатление, что колонны лёгкие, хрупкие, было непонятно, как они выдерживают такой вес. А на самом деле это были литые железные трубы, просто выкрашенные белой краской столь искусно, что казались деревянными.

Ну и всякие другие хитрости. В общем, потрудился, потратился, но зато выстроил чуд-

ный современный светлый дом, своё убежище, как он его называл. Здесь одно удовольствие и жить, и работать.

И в самом центре к тому же, всюду близко!

И расположен дом очень удачно — никаких соседей, с правой стороны бывший пустырь, превращённый в паркинг, слева — улица. Там — машины, люди, но берёзы, высаженные вдоль высокого забора, создают дополнительную преграду, изолируют дом от уличного шума. Благодаря этому во дворе начисто забываешь, что ты в самом сердце огромного города, тут свой особый уютный мир, свой микроклимат.

И Чарли здесь хорошо, вон как наслаждается!

Андрей оторвался от окна, на секунду наклонился к стоявшему тут же на треножнике, дорогому, отливающему медью телескопу. Навёл его на улицу Алабяна. Машины по ней ползли медленно, стало быть, при выезде на Ленинградку, как всегда, пробка.

Нет, здесь ехать нельзя, надо попробовать проскочить по Песчаной!

Он оторвался от окуляра, пошёл к выходу. Перед дверью вновь задержался, взглянул на ещё не повешенную, прислонённую к стенке большую чёрно-белую фотографию в рамке.

Это был его настоящий шедевр — две женские руки, вылетавшие из темноты, словно странная белая птица.

Пожалуй, лучше будет, если повесить её не горизонтально, а вертикально.

Да, так безусловно интересней, горизонтально слишком примитивно. Он перевернул фотографию, поставил её вертикально и удовлетворённо кивнул.

2.

Через несколько секунд Андрей появился во дворе с миской, полной сухого собачьего корма.

— Чарли! Завтрак подан! — крикнул он.

Чарли, крупный чёрный лабрадор, радостно бросился к нему.

— Выспался? Будем завтракать?

Андрей поставил еду в кормушку, ласково погладил пса, чистым платком заботливо вытер ему краешки глаз. В другую миску налил чистой воды из шланга и, убедившись, что Чарли с удовольствием приступил к трапезе, подошёл к воротам, открыл калитку и вышел на улицу.

Около ворот, на кирпичной колонне висел почтовый ящик. Андрей достал из кармана

связку ключей, маленьким ключиком отпер ящик, вынул из него полдюжины конвертов и отправился обратно в дом.

Он небрежно бросил почту на кухонный стол, насыпал кофе в кофеварку и, включив её, подвинул к себе конверт, привлёкший его внимание. Конверт был фирменный, из Центра фотографии имени братьев Люмьер.

Чёрт подери! Неужели сегодня?

Андрей быстро разорвал конверт. Так и есть, это было приглашение на открытие выставки «Три взгляда на окружающее». Один из взглядов был его, Андрея Берга.

Как же я мог забыть!.. Вот кретин!..

Впрочем, он тут же и успокоился. Времени до открытия выставки ещё более чем достаточно. Он вполне успеет спокойно позавтракать и как следует *подготовиться*. Андрей усмехнулся и выключил кофеварку.

3.

Покончив с завтраком, Андрей поднялся наверх и вошёл в свой кабинет. Неспешно уселся в старинное кресло красного дерева, ручки которого были искусно вырезаны в виде голов диковинных птиц с загнутым клювом, выдвинул один из ящиков такого же старинного пись-

менного стола и стал внимательно разглядывать его содержимое. В ящике, на зелёном сукне, были выложены усы, бакенбарды, брови и бороды разной конфигурации. Коллекция бы сделала честь хорошему гримёру крупной киностудии.

Пожалуй, эти!!

Он взял аккуратные седые усы, выложил их на стол. Выдвинул другой ящик и так же сосредоточенно уставился в него. На сей раз это были очки всевозможных моделей. Андрей, поразмышляв, выбрал пару в черепаховой оправе, с большими затемнёнными стёклами

Потом он встал, подошёл к стенному шкафу, распахнул его. На полке шкафа, на деревянных болванках, расположилась добрая дюжина мужских и женских париков. На этот раз он долго не раздумывал, сразу снял один мужской парик, с сединой, и, прихватив со стола усы и очки, отправился в ванную.

Там он достал из зеркального шкафчика пузырёк с лаком. Отвинтил пробку, к доньшку которой была прикреплена маленькая кисточка. Аккуратно намазал лаком верхнюю губу, прижал к ней усы, подержал несколько секунд. Убедившись, что усы приклеились накрепко, он надел парик и нацепил на нос выбранные очки. Теперь из зеркала на него смотрел пожилой усатый человек в прямоугольных тёмных очках.